

A young boy with short hair, wearing a dark t-shirt and pants, stands in a dimly lit room. He is looking up and reaching out with his right hand towards a large, glowing blue digital figure projected onto a wall. The figure is composed of many small, bright blue points and lines, resembling a digital or data-based entity. The room is dark, with some stacks of books or papers visible on the floor to the left. A red diagonal banner with white text is overlaid across the middle of the image.

ДЕМОН МАКС

Любовь Чернега

Любовь Чернега Демон Макс

<https://litres.ru/73989824>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья Ребров - блестящий инженер, который не вписался в мир, где всё доверяют искусственному интеллекту. Уволенный за короткое замыкание, он в тот же день получает в наследство старую квартиру бабушки, где тридцать лет назад при невыясненных обстоятельствах исчез его отец-физик.

В одной из комнат Илья находит тайник, и чем глубже он погружается в прошлое, тем яснее понимает, что кто-то охотится за разработками отца.

Он не знает, кому доверять, и даже его собственная ИИ-ассистентка начинает задавать неудобные вопросы.

Вопросов становится больше, и Илья понятия не имеет, чем всё это закончится. Но одно он знает точно - если он не доберётся до истины первым, то следующим исчезнувшим может стать он сам.

Содержание

Глава 1. Провальнение	4
Глава 2. Васька	19
Глава 3. Стена	28
Глава 4. Открытие	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Демон Макс

Глава 1. Провальнение

Его пальцы дрожали. Не сильно - так, чуть-чуть, на грани заметного. Два оголённых провода, идущие от прибора, замерли в миллиметре от разъёма. Красный и синий.

Рабочий календарь на внутреннем дисплее коммуникатора услужливо высветил предупреждение: «Ваш рабочий день заканчивается через 5 минут. Рекомендуем завершить текущие задачи». Илья закатил глаза, отгоняя уведомление. Этот дурацкий ИИ-ассистент, который АО «ЗАСЛОН» закупил по госпрограмме «Цифровое счастье», напоминал о режиме труда чуть ли каждые пять минут, даже когда режим не нарушался.

Режим Илья не собирался нарушать. Он просто хотел закончить. Три месяца работы над «ФагОТ», три месяца пайки, настройки, перепайки, мата и сожжённых плат - и вот сегодня последний тест. Спектральный анализатор, размером с ладонь, собранный в корпусе древнего смартфона, который Илья взял из дома, должен был, наконец, показать результат.

Илья торопился, хотя его никто не торопил. Он мог бы отложить проверку на завтра - спокойно перепроверить контакты, надеть изоляцию. Но когда у тебя внутри горит идея, по-настоящему горит, так, что жжёт изнутри, ты не можешь

ждать. Ждать - это как не дышать, или рассыпаться от напряжения, которое некуда девать. Илье нужно было дожать прямо сейчас.

Плечи напряжены, спина сгорблена, шея втянута. Он сидел на своём рабочем месте, вечно заваленном бумагами... Бумагами! В две тысячи пятьдесят пятом году, когда всё давно оцифровано, когда отчёты пишет ИИ, а люди только нажимают кнопки «утвердить», Илья Ребров продолжал вести записи на бумаге. Распечатывал статьи, делал пометки на полях, чертил схемы карандашом.

Коллеги подтрунивали: «Ребров, ты в каком веке?». Начальство было недовольно - бумага стоила денег, а бюджет НТЦ «ЗАСЛОН-Автоматика» был не резиновым. Илья отмахивался. Ему было удобнее. Экран не давал того ощущения, что лист бумаги - что на нём можно писать, зачёркивать, рисовать на полях и всё это видеть одновременно.

А ещё Илья не доверял ИИ – это ненадёжно, и сразу становится достоянием общественности. Да, всё, что утекло в сеть, может быть вытянуто кем угодно, кто очень захочет это вытянуть. Это косвенно подтверждала его коллега, Спектрова, которая работала в соседнем отделе программистом. Но она ИИ защищала, говорила, что «вытягивать» дают не всем, и если дали – значит, не посчитали это опасным.

Илья не хотел, чтобы вытаскивали его разработки. Пока. Пока всё сыро и не запатентовано. Когда запатентуют, тогда

уже не на нём ответственность, тогда АО «ЗАСЛОН» пусть делает с этим, что хочет.

Сейчас на его столе громоздились кипы распечаток, старых журналов и собственных чертежей. Илья работал в этой архитектурной норе годами и знал, где что лежит по памяти.

Коллеги поглядывали на его стол с недоумением. Сами они уже лет десять не держали в руках бумагу - зачем, если всё ищется по запросу за секунду? Илья не спорил. Ему было удобнее так.

Провода в руке дрогнули. Илья мысленно выругался, встряхнул кистью - пальцы затекли. Он вставил штекер. Два провода коснулись контактов.

Искры были красивые - оранжевые, рассыпчатые, как бенгальские огни. Они на секунду осветили небритое, усталое лицо, мешки под глазами, пот на лбу. Илья даже залюбовался. Было в этом что-то завораживающее - рукотворный фейерверк в честь маленькой победы.

Потом свет погас. Не только в лаборатории. Во всём здании. Мониторы моргнули и погасли. Вентиляция затихла. Даже аварийные табло, которые по инструкции должны гореть всегда, издали жалобный писк и сдались.

Тьма накрыла Илью с головой. Он замер. Пальцы, которые ещё секунду назад уверенно, пусть и с дрожью, держали штекер, вцепились в край стола. Дыхание остановилось.

Ему снова девять лет. Ночь. Он сидит в своей комнате, играет в компьютере, хотя отец запрещает играть после 21:00. За стеной - лаборатория отца, там всегда горит свет, и отец что-то колдует над своими приборами.

Сейчас отец выключен из реальности, его лучше не трогать. Но Илья и не собирается трогать – есть в этом увлечении отца большой плюс и для него. Отцу не до проверок – можно хоть до утра рубиться в старую стратегию, которую отец сам установил когда-то, чтобы сын не отвлекал его по пустякам.

Внезапно свет гаснет.

Илья замирает над клавиатурой. Пальцы не двигаются. Сердце колотится где-то в горле. Ему страшно, но не из-за темноты. Ему страшно, что отец сейчас зайдет, увидит, что он не спит, и отругает. Или хуже - разочаруется.

Илья сидит тихо, боясь дышать. Ждёт. Минуту, две, пять. Свет не зажигается.

Сейчас, тридцать лет спустя, Илья сидел в той же темноте. Та же поза - вцепившись в стол, глядя в пустоту. Те же мысли - надо встать, надо пойти, надо что-то сделать. И то же оцепенение.

Илья знал, что автоматика справится сама. Знал, что система безопасности АО «ЗАСЛОН» уже анализирует аварию, вычисляет причину, переключает резервные линии. Не нужно было ничего делать. Только сидеть и ждать.

Но он всё равно чувствовал себя тем девятилетним мальчишкой, который боялся пошевелиться.

Свет включился сам. Через две минуты ИИ переключил питание на резервную линию, обойдя повреждённый участок сети. Лампы моргнули и загорелись ровным белым. Голографические панели на стенах ожили, выводя информацию о загрузке систем. Вентиляция вздохнула глубоко и затихла - выровнялась.

Илья сидел за столом, сжимая в руке мёртвый прибор. Зелёный светодиод на нём не горел - внутри что-то отвалилось. Три месяца работы - и всё коту под хвост.

Он положил прибор на стол, откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Через десять минут пришёл заведующий лабораторией. Он был из тех начальников, которые появляются только когда что-то случилось. В обычной жизни его никто не видел - он сидел в своём кабинете, смотрел отчёты, строил планы, проверял служебные записки, созданные ИИ. Но когда случилось ЧП, он возникал из воздуха, будто материализовы-

вался из тени.

Сейчас он стоял в дверях, с рабочим планшетом в руках, и смотрел на Илью без всякого выражения.

- Ребров.

Илья открыл глаза, и резко выпрямился, приняв «рабочую» позу.

- Здравствуйте, Семён Ильич!

- Что случилось? – шеф явно был недоволен тем, что его вытащили из его норы.

- Короткое замыкание. Я тестировал анализатор, подключил к сети, перепутал полярность.

- Анализатор? – Семён Ильич быстро пролистал свои отчёты в планшете. – Почему у меня нет запросов по тестированию?

- Это была временная схема. Я случайно подключил, – Илья понимал, что он влип. – Как раз собирался подать запрос...

- Ты нарушил инструкцию по технике безопасности. Раздел третий, пункт двенадцать: запрещается подключать самодельные устройства к заводской сети без согласования. Ты согласовывал?

Илья промолчал.

- Из-за твоей самодеятельности во всём здании вырубился свет. Вот отчёт системы безопасности: рабочее место инженера Реброва И.М...

Семён Ильич говорил ровно, без эмоций, как зачитывал

приговор. Илья смотрел на него и понимал, что оправдываться бесполезно. Техника безопасности не оправдывает спешку. Инструкция не делает скидку на горящие глаза и три месяца работы.

Дальше Илья почти не слушал. Только как сквозь туман наблюдал, как Семён Ильич что-то бубнит, машет руками, ходя туда-сюда перед ним. Потом шеф повернулся и вышел. Просто ушёл. Наверное, что-то важное сказал перед этим, но Илья не услышал.

На следующий день утром в личном кабинете Ильи появилось предписание. Оно было составлено в стандартной форме - серый шаблон, сухие формулировки, безличные фразы, словно писал не человек, а ИИ. Впрочем, ИИ и писал.

«В связи с выявленными нарушениями пунктов 3.12, 4.03 и 7.02 должностной инструкции, а также актом технического расследования аварии от 12.05.2055, инженер Ребров И.М. признан не соответствующим занимаемой должности. Рекомендовано расторжение трудового договора по соглашению сторон»

«Не соответствующим занимаемой должности». Илья перечитал эту фразу три раза. Пятнадцать лет работы. Пятнадцать лет, которые он вбухал в эту компанию. Пятнадцать лет, которые перечёркивались тремя строчками серого тек-

ста.

В коридоре он столкнулся со Спектровой. Она выходила из соседней комнаты, поправляла кристалл коммуникатора на виске, сверялась с календарём.

- О, Ребров, - сказала она, не поднимая глаз. - Слышала, ты устроил техногенку?

- Короткое замыкание.

- Которое вырубил здание, - она подняла взгляд и усмехнулась той своей надменной издевательской усмешкой, от которой Илье хотелось провалиться сквозь землю. - Ты хоть понимаешь, что мы отчёты задержали? Теперь нашему НТЦ опять головная компания проверки устроит.

- Извини, - буркнул Илья.

- Извини, - Спектрова передразнила его интонацию. - Знаешь, Ребров, твоя гениальность, конечно, граничит с безумием, но, может, иногда можно отступить на шаг от этой границы? Ради разнообразия?

Она ушла, цокая каблуками. Илья остался стоять в коридоре, глядя ей вслед.

Три дня он пытался отвлечь себя, и не думать о том, что скоро останется без работы. Активно перепаивал свой «Фагот» - и на работе, и дома, чтобы сдать работу до увольнения. Из принципа. Чтобы никто не говорил, что он забрал

разработки с собой. Нет, с собой он всё равно забрал свой «ФагОТ», но теоретическую часть оставил компании. Законченную, со схемами и описанием принципа работы.

В конце третьего дня он поставил электронную подпись на заявлении – стандартная процедура при увольнении. Система работала чётко: нарушение - предписание - расторжение договора. Без учёта отработанных лет, без учёта отсутствия других нарушений. Только отягчающие обстоятельства – большой расход бумаги.

Он подошёл к столу, и начал собирать вещи: блокноты, фломастеры для плат, запасной чистый свитер - такой же старомодный, с вытянутыми манжетами, как и на нём. Всё его личное имущество.

Через несколько минут он закрыл кабинет и вышел из здания. Прежде чем подняться на поверхность, он повернулся и несколько секунд смотрел на место, где проработал пятнадцать лет. Возможно, больше он его никогда не увидит.

Как и многие офисные комплексы, здание НТЦ «ЗА-СЛОН-Автоматика» было построено под землёй.

На поверхности остались парки, зоны отдыха, развлечения, культурные центры. Чтобы у сотрудников не было желания задерживаться на работе, их лишали окон и естественного света. Рабочее пространство - под землёй, жизнь - наверху.

Илья поднялся по эскалатору. Именно по эскалатору, чтобы дольше оставаться здесь. Лифт – это слишком быстро, слишком морально больно. Выйдя на поверхность, он прищурился от дневного света. Солнце было высоко, небо синее, облака белые, и всё это выглядело неправильно. Как будто мир продолжал жить своей жизнью, а Илья выпал из него.

Он не знал, что делать дальше. НТЦ «ЗАСЛОН-Автоматика» был его единственным местом работы - он пришёл сюда сразу после ВУЗа, пятнадцать лет назад. Он не искал работу, не писал резюме, не проходил собеседований. Его взяли по распределению, и он остался. Потому что привык. Потому что здесь был его стол, его бумаги, его коробки. Здесь он чувствовал себя нужным, на своём месте.

Теперь этого места не было.

Он поехал домой - в съёмную квартиру, которую снимал последние десять лет. Одношка на окраине, с видом на лесную зону.

Весь день он сидел перед экраном, изучал, как теперь составляют резюме, какие навыки указывают, как проходят собеседования. Нормальный человек поручил бы это ИИ – он идеально подбирал вакансии, отправлял отклики, назначал встречи. Но Илья противился. Он не хотел отдавать свою судьбу в руки неодушевлённого интеллекта. Он не доверял,

он всегда ждал подвоха.

Илья полагал, что ИИ рано или поздно поймёт, что люди излишни в цепочке земной жизни, и исключит их из этой цепочки. Он был уверен, что ИИ притупляет бдительность своих создателей, чтобы потом захватить мир. Поэтому Илья хотел сам управлять своей судьбой. Пусть это сложно, но зато более надёжно.

Он никогда не составлял резюме, а теперь попытался разобратсья, и хотя всё выглядело чужим и враждебным, он не сдавался – учёная степень должна была помочь в самостоятельном поиске работы.

Но чем дальше Илья углублялся в процесс, тем больше понимал, что всё сложнее, чем он предполагал. Оптимизация процессов. Работа с большими данными. Интеграция ИИ-решений. Лучшее всего он умел придумывать новые технологии, паять платы, настраивать спектрометры. Читать распечатки старых журналов. И такие навыки не входили в стандартные шаблоны.

Поздно вечером, когда он уже собирался выключить экран и лечь спать, пришло письмо.

Он открыл его, пробежал глазами первые строки и перечитал вслух.

«Илья Михайлович Ребров... нотариальная контора «На-

следие»... уведомляет вас о том, что вы являетесь наследником по завещанию гражданки Клавдии Петровны Ребровой... квартира по адресу: ...»

Илья опустил руки. Квартира на Ваське. Та самая, где он вырос, где они жили с отцом и бабушкой. Где погас свет...

И бабушка, которая умерла... несколько дней назад. Бабушка, которую он 30 лет считал умершей.

Илья медленно встал и подошёл к окну. Всмотривался в темноту, в ту часть города, где была Васька. Вспоминал прошлое. 30 лет назад.

Бабушку увезли в больницу. Соседка забрала его к себе. Через час приехала мать. Сказала, что теперь он будет жить с ними.

Вечером мать посадила его на кухне в её квартире, которая для Ильи была чужой, и, не глядя ему в глаза, сообщила, что бабушка умерла.

Ему было 9 лет, он умом понимал, но сердцем не принимал. Отец исчез, какие-то люди в военной форме. Бабушке стало плохо, ей вызвали скорую. Потом, как сквозь туман – слова врачей со скорой, которые говорили про инсульт. Теперь мать говорит, что из-за переживаний, у бабушки не выдержало сердце, её не спасли.

Илья поверил. Зачем ему было не верить? У него только

что мир рухнул, ему нужна была какая-то опора, какое-то объяснение. И мать всё это дала – отец, сумасшедший учёный, сбежал, бабушка не выдержала.

Мать не разрешила ему ехать на похороны.

- Тяжело для детской психики, - сказала она. - Ты и так травмирован.

Илья тогда не спорил. Он вообще перестал спорить - на несколько лет. Затих, закрылся, перестал задавать вопросы. Вопросов было много, и те ответы, которые давала мать, его не устраивали. Они были неправдоподобными. Как отец мог сбежать? Почему? Он же его любил.

Теперь оказалось, что бабушка всё это время была жива. Где-то там, на Ваське, в той самой квартире. И ждала. Писала сообщения, которые мать, как понял Илья, оставляла без ответа - просто удаляла.

Илья снова сел за стол и посмотрел на экран. Пальцы дрожали, но не от страха. От злости - глухой, тягучей, которая копилась годами.

Он подумал о матери, о её новой семье, об отчине, который терпеть его не мог. О том, как они пытались сделать из него музыканта, а он сопротивлялся. О том, как в шестнадцать лет он собрал вещи и ушёл. О том, что мать даже не стала его удерживать, не спрашивала, как он устроился. Зво-

нила редко, чтобы услышать «у меня всё хорошо», и успокоить свою совесть.

Он ей был не нужен - не оправдал надежд. Мать считала, что во время активного развития ИИ, инженеры и учёные – это мусор. А вот музыканты – это престижно, это известность и культурность. И потом, когда развлечения вышли на первый план, они с отчимом ещё больше его возненавидели.

А бабушка, оказывается, его ждала, и всю жизнь любила. Но не вмешивалась, потому что мать её убедила, что она внуку не нужна.

Илья не спал всю ночь. Он сидел в светлой комнате, все лампы включены (как всегда) и смотрел на письмо.

Утром он надел свой старый свитер, куртку и поехал к нотариусу.

Нотариальная контора «Наследие» располагалась в старом здании на Восстания. Внутри было светло, просторно, пахло цветами и дорогой бумагой. В ней не было необходимости, но это было для солидности, просто, чтобы было – менее надёжно, чем электронные формы, но более человечно. В обычной жизни бумагу Илья любил, но сейчас ненавидел. Он сидел на стуле с высокой спинкой и слушал, как женщина в очках читает текст завещания.

«...переходит в собственность в полном объёме...»

- Вы понимаете, что принятие наследства влечёт за собой... - бубнила нотариус, но Илья её не слышал.

Он смотрел на лист бумаги, где значился адрес - тот самый, который он тридцать лет не произносил вслух.

Он взял ключи. Тяжёлые, старые, на железном кольце. Нахмурился и горько усмехнулся. Бабушка, как и он, не доверяла технологиям, так и пользовалась обычными ключами. Сейчас это было редкостью.

Выйдя от нотариуса, Илья долго стоял на улице, разглядывая связку. Потом зачем-то поднёс к носу - пахло металлом и детством.

Васька. Третий этаж. Квартира, где он вырос. Где отец проводил ночи за своими исследованиями. Где для Ильи навсегда погас свет. Или не навсегда?

Он сунул ключи в карман, поднял воротник куртки и пошёл к метро.

Глава 2. Васька

Ключи всё ещё грели карман, когда Илья вышел из метро. Васильевский остров встречал его привычной сыростью. Не дождём, а тем особым петербургским туманом, который пробирается под куртку, за воротник, в самые надёжные кроссовки. Илья поёжился, поднял воротник и пошёл по набережной.

Он не был здесь тридцать лет. А казалось, будто и не уходил. Те же старые дома, те же парадные с коваными решётками, тот же запах Невы, смешанный с кофе из уличных кофеен. Только люди другие. И дроны над головой.

Всё выглядело так, будто время прошло мимо. Фасады отреставрированы, но без модернизации – культурное наследие, как ни как. Камень, штукатурка, лепнина - были отмыты до первозданного вида, будто весь остров загрузили в гигантскую посудомойку, прополоскали, высушили и поставили на место - чистый, но старый. Ни одной трещины, ни одного пятна копоти, ни одного куса облупившейся краски. Город-музей. Город-фантик. Город, который невозможно забыть.

Илья свернул во двор, нашёл нужную парадную, по старой привычке толкнул тяжёлую дверь. Дверь не поддавалась. Ах да, автоматика – всё же автоматизировано. Он достал ключи, и приложил к системе считывания единственный магнитный

ключ, который был на связке. Замок щёлкнул, и дверь медленно открылась. За ней была уже не та Васька – модернизация не тронула только фасады.

Первым, что увидел Илья, был лифт. Раньше не было. Лифты Илья не любил по той же причине, что и ИИ – ждал и от них подвоха. Никто же не знает, когда этот сверхразум, встроенный во всё, даже в лифты, решит уничтожить людей. Он не хотелось свои последние часы, а, может, минуты или даже секунды, провести в лифте.

Третий этаж. Ступеньки незнакомые – раньше были прогнутые посередине, с тёмными пятнами, сейчас – идеально ровные. На втором этаже пахло борщом. Неужели баба Нина ещё жива? Нет, не может быть, она ещё 30 лет назад была допотопной. Ностальгия нахлынула – заиграла «Седой ночью», которую бабушка обожала.

Илья остановился перед дверью – дверь тоже новая. Против норм не попрёшь – замена была обязательной. Тем более пенсионерам бесплатно меняли. Но привычный замок бабушка оставила. Наверняка тоже не доверяла ИИ. И правильно – иногда не хватает того, что было раньше.

Он выдохнул. Вставил ключ.

Дверь открылась легко, как будто соскучилась по гостям. Внутри пахло пылью, старыми вещами и ещё чем-то сладким, почти неуловимым – бабушкиными духами, которые она брызгала на подушку перед сном.

Илья замер в прихожей. Не раздеваясь. Не снимая обуви.

Просто стоял и смотрел.

Потом медленно пошёл дальше.

Коридор. Длинный, узкий, с выцветшими обоями в цветочек. В конце - дверь в комнату отца. Направо - кухня, крошечная, с газовой плитой, которой пользоваться уже лет двадцать запрещали. Но, судя по её виду, бабушка ею и не пользовалась. Госпрограмма питания для одиноких пенсионеров её, видимо, устраивала.

Налево - зал, где бабушка смотрела телевизор.

Телевизор.

Илья прошёл в зал. Старый «Сбер-Вижн» - плоский, на ножках, стоял на тумбе. Рядом - пульт. Чёрный, с кнопками. Илья протянул руку, взял его, покрутил в руке.

Время словно застыло. Было тяжело дышать. Он медленно сел на диван, и рука наткнулась на что-то твёрдое - старый телефон.

Илья полез в карман, и достал такой же «телефон», но с выгравированным «ФаГОТ», торчащими проводами, и совершенно другой начинкой.

Тридцать лет назад мать влетела в квартиру соседки, схватила его, и потащила в квартиру бабушки.

- Быстрее, – поторавливала она Илью, засовывая в сумку его футболки, джинсы, старый свитер. - Нечего тут торчать.

А он сидел на диване, сжимая в руках бабушкин телефон. Он просто хотел, чтобы сейчас пришла бабушка, и они вместе стали бы смотреть телевизор.

- Сидишь, как истукан, – бурчала мать. – Имей в виду, мы больше сюда возвращаться не будем. Вещи свои собирай!

Илья засунул телефон в карман.

- Всегда знала, что твой отец сумасшедший, – не унималась мать. - Бросил сына ради своих железяк. Пять лет я терпела! Пять лет ночных экспериментов, взрывов, запаха гари. Я не знала, проснусь ли утром или квартира разлетится к чертям!

Она говорила громко, почти кричала, но глаза у неё были сухие.

- Он не бросил, - тихо сказал Илья.

Мать посмотрела на него. Долго. Потом отвернулась и продолжила собирать вещи.

- Конечно, не бросил, - бросила она через плечо. – Просто исчез без объяснений. Между прочим – это одно и то же.

Мать забрала его, увезла к себе, в новую жизнь, со своим новым мужем, который терпеть не мог чужих детей.

Единственная ценность, которая осталась Илье от прошлой счастливой жизни - это бабушкин телефон. Бесполезный, потому что мать дала ему другой, с функцией контроля, и требовала, чтобы он пользовался им. Но тот, бабушкин, он был родной, напоминал о тепле, о любви.

В новой семье его пытались полюбить, но он не оправдал

ожиданий. Отчим сказал, что полюбит, если он станет музыкантом, а Илья не хотел заниматься музыкой. Хоть мать и сдавала его в музыкалку, он так и не научился ни на чём музицировать. Преподаватели порекомендовали найти другое занятие.

В итоге, Илья как и остался нелюбимым.

Илья посмотрел на свой «телефон», на бабушкин телефон... Точнее, они оба были бабушкиными, но «ФагОТ» он заслуженно считал своим. Да и от телефона там остался только корпус.

В студенческие годы, он его засунул в коробку со старым барахлом, потому что было тяжело, потому что воспоминания о детстве больно резали. А когда начал работу над анализатором, решил использовать именно его – потому что детские травмы, казалось, забылись, потому что очень не хватало отца – он бы подсказывал, как лучше делать.

Илья долго хранил телефон в первозданном виде, а теперь решил увековечить память о родных так, чтобы остался какой-то след для всего человечества.

«ФагОТ». Фагот – единственный музыкальный инструмент, который ему более-менее дался. Нравилось Илье его звучание, но не в своём исполнении. Идея назвать именно так свою технологию пришла сразу: «фаг» – отсылка к бак-

териофагам, которые атакуют только бактерии, не трогая человеческие клетки. Именно о чём-то таком много говорил отец перед исчезновением — настроить прибор, чтобы он действовал избирательно, не убивая всё живое. А «ОТ» — это отцовская технология.

Что за прибор, почему он может атаковать клетки, Илья не знал, и все 30 лет после исчезновения отца пытался понять, над чем же тот работал. Так и не поняв, он занялся своими технологиями.

Илья положил телефон на диван, прошёл в комнату отца. Дверь скрипнула.

Он вошёл и остановился, как вкопанный. Всё было на месте. Стол, заваленный приборами. Полки с книгами — настоящими, бумажными, с закладками. Плакат на стене... Бабушка ничего не тронула, оставила всё, как было в последний день.

Внутри у Ильи всё сжалось. Он представил, что чувствовала бабушка — она потеряла единственного сына, и единственного внука. Она до последнего верила, что они вернуться. От этого Илье сейчас было невыносимо больно.

Он закрыл глаза и на секунду представил бабушку на диване перед телевизором, одну, в тишине, с пультом в руке. Горло сжалось.

В каком же ужасе она жила.

Илья снова посмотрел на плакат. Цветной рисунок — существо с горящими глазами, огромными рогами, торчащими

кляками. Илье не нравился этот плакат. И бабушка вечно бурчала, что Миша вместо демона лучше бы икону повесил, или фото президента – и то лучше бы для энергетики дома было. А отец смеялся, говорил, что они ничего не понимают. И ласково называл своего демона Максом. Он говорил, что это демон, который сортирует молекулы.

Как-то бабушка устроила генеральную уборку в его комнате, и, убирая паутину со стен, задела плакат. Плакат порвался, и отец разозлился. Вскоре заказал новый плакат, и приклеил его к пластику - для надёжности. Бабушка бурчала, что Миша поклоняется демону.

Неожиданно Илья замер. Демон. Макс. Его извилины напрыглись, пытаюсь что-то вспомнить.

- Представь, есть стена с крошечными дверцами. Умный привратник открывает их только для нужных частиц, а остальных не пускает, – воодушевлённо рассказывал отец.

Илья слушал неохотно, потому что ничего не понимал. Он хотел бы, чтобы отец рассказал про игру – как пройти уровень, как собрать артефакты.

– Как, например, в игре, где нужно сортировать предметы по контейнерам, – более понятным для детских ушей языком продолжил отец.

Илья заинтересованно посмотрел на него, решив, что сей-

час отец расскажет, как пройти очередной уровень.

- Это называется - уменьшать энтропию. То есть делать из хаоса порядок, – опять сложным языком заговорил отец.

- А что такое энтропия? – разочарованно спросил Илья.

- Мера хаоса, - отец улыбался. - Чем больше энтропия, тем беспорядочнее система. Представь, что есть что-то, что может сделать из хаоса порядок.

Об этом отец рассказывал постоянно, и сыну, и матери. Хотел, чтобы они тоже прониклись, загорелись, поучаствовали. Но Илье было девять, кроме игр его ничего не интересовало. А бабушка говорила, что единственный в этом доме, кто может сделать из хаоса порядок – это она.

И тут Илью осенило. Демон Максвелла! Конечно, это всё объясняет.

Это было не просто чудачеством отца. Не было странным рисунком, который он повесил, чтобы пугать сына и нервировать мать. Это был ключ.

Всё, что отец делал - приборы на столе, ночные эксперименты, формулы в блокнотах - всё было про уменьшение энтропии. Про идею, что из хаоса можно создать порядок. Что пластик, который разлагается тысячу лет, можно превратить обратно в сырьё за минуту.

Илья медленно перевёл взгляд с плаката на стол, завален-

ный приборами. Теперь он знал, что искать.

Глава 3. Стена

Но знать, что искать, и знать, где искать – разные вещи. Вначале Илья думал, что всё просто – всё лежит на поверхности.

Он долго стоял посреди комнаты отца, не зная, с чего начать. Всё выглядело так, будто время остановилось. Мысль о том, что его ждёт великое открытие, пугала и завораживала одновременно.

Он выдохнул, подошёл к столу, и взял первую попавшуюся плату. Старая, с дорожками, такие больше не делают, их можно найти разве что, как раритет на «Продавито» за триста рублей. Рядом лежала какая-то микросхема с маркировкой, которую он легко загуглил со своего коммуникатора. Логический элемент. Простейший.

- Это же детский сад, - пробормотал Илья.

Он перебирал приборы один за другим. Осциллограф, который не включался даже от резервного питания. Генератор частоты, собранный из того, что валялось под рукой. Блокноты с формулами - но формулы были элементарными, школьными, какие-то расчёты резисторов, закон Ома, деление напряжения.

Илья выпрямился, вытер пот со лба и оглядел комнату.

- Это всё? - вслух спросил он.

Изначальное воодушевление быстро иссякло, когда он понял, что о Демоне Максвелла в кабинете отца напоминает только плакат. Точнее, намекает. Всё остальное и близко не было похоже на что-то серьёзное.

Неожиданно пришло горькое осознание, что он 30 лет жил в иллюзии. Верил, что отец – серьёзный учёный. А по факту оказалось совсем не так. Может, мать была права? Может, он по-детски наивно верил в то, что рассказывал отец? Отец, наверное, хотел, чтобы сын им гордился.

Сейчас Илья не знал, чему верить, что в его детстве было правдой.

И обидно. Как он остервенело доказывал матери и отчиму, что его отец не трус, что он не сбежал. Как он, чтобы доказать всем, что отец был настоящим учёным, решил пойти по его стопам. Больше не играл в компьютер, а читал, гуглил, изучал... (правда не играл в компьютер, потому что боялся, как отрезало - как бы сказала бабушка; детская травма - как бы сказал психолог, к которому какое-то время его водила мать)

И всё это ради чего? Чтобы через 30 лет узнать, что отец занимался ерундой?

Ответа не было. Только тишина и тусклый свет.

Илья сел на стул отца, уставился в одну точку. Разочарование накатывало медленно, как тот самый петербургский туман. Он ожидал найти что-то грандиозное. Чертежи. Схе-

мы. Планы. А нашёл старый хлам, который 30 лет назад любой радиоловитель мог собрать за вечер.

Но потом его осенило.

- А если это прикрытие? - спросил он сам у себя.

Нет, нет, нельзя так. Отец был гением! Настоящим. Тот, кто мог спорить с профессорами до хрипоты, кто решал задачи, которые другим были не под силу. Такой человек не стал бы засорять свой стол ерундой.

Ерунда была здесь нарочно!

- Значит, ты действительно что-то сделал, - тихо сказал Илья. - И спрятал это здесь.

Илья встал, прошёлся по комнате. Две голые стены насмешливо пялились на него своей пустотой. Ну и зачем столько пустого пространства? Отец мог бы повесить там полки, картины, хоть что-то.

Чувство тревоги сжало грудь. Если отец создал эту обстановку для отвода глаз — значит, он кого-то боялся. Значит, у него было что-то, что стоило защищать. И это что-то было настоящим.

Он начал обыскивать комнату с новой силой. Под столом, под стулом, за книгами. Осмотрел полки - может, за ними пустота. Постучал по стенам - всё гипсовое. Похоже, на материалах отец экономил.

Ничего.

Он ещё раз проверил шкаф. В шкафу - старая одежда отца, пыльные рубашки, брюки, пиджак. Обыскал карманы -

ничего, кроме засохшей жвачки в пиджаке.

- Ну давай же, - прошептал Илья. - Где ты это спрятал?

Он выпрямился, задрал голову к потолку и уставился на люстру. В люстре он ещё не смотрел.

- А что? - сказал он громко, и тут же испуганно оглянулся. - Мало ли, – уже шёпотом продолжил размышления он. - Может, 30 лет назад в люстрах всё прятали.

Он несколько минут рассматривал люстру снизу, убеждая себя, что в ней можно что-то спрятать. И что, что она маленькая? Может, и изобретение отца маленькое? А может там только подсказка? Почему бы и нет?

Он пошёл в кладовку. Там пахло старыми тряпками и мятой – видимо, автоматический освежитель. В углу стояла лестница - складная, алюминиевая, вся в пыли.

Илья взял её, и в тот же миг на него нахлынуло воспоминание.

Ему восемь. Отец меняет лампочку на кухне. Илья держит лестницу, хотя она и так стоит устойчиво. Отец что-то бормочет про энергию, про электроны, про то, как важно, чтобы в доме был свет.

- Свет - это жизнь, сын, - говорит он, слезая с лестницы и вытирая руки о штаны. – Сейчас люди без света, как без рук.

Илья смотрит на свои руки, и улыбается.

Он встряхнул головой, отгоняя воспоминания, и потащил лестницу в комнату отца.

Раскрыл. Поставил под люстру. Поднялся на три ступеньки - голова почти доставала до плафона. Осмотрел люстру - обычная, трёхрожковая, с двумя лампами, их всегда было две. Потрогал плафоны - ничего подозрительного. Заглянул внутрь - пустота.

- Глупость, - сказал он себе.

Он уже хотел слезать, как прямо перед его носом на паутине спустился паук. Большой, чёрный, с мохнатыми лапами. Пауков Илья боялся с детства. Причём так, что даже думать о них не мог без холодка на спине. Поэтому когда членистоногое появилось, мозг отключился.

Секунда ступора, и включился древний инстинкт - спасайся, беги, падай, но не стой на месте. Илья дёрнулся, лестница жалобно скрипнула, и он полетел вниз, по пути успев подумать, что пауки всё-таки сволочи.

Но успел сгруппироваться. Упал на бок, больно ударившись плечом. Лестница, к счастью, не рухнула на него, а врезалась в стену позади, и там застряла.

Илье на голову посыпалась пыль. Он отряхнулся, и посмотрел вверх. Оказалось, что лестница пробила стену.

Он поднялся, растирая ушибленное плечо, подошёл к сте-

не, и оценил масштаб трагедии. И тут же понял, что о трагедии говорить рано – несмотря на то, что в стене образовалась трещина, сквозь неё виднелась пустота. В обычной ситуации это должно было бы огорчить, но не сейчас. В данном контексте это давало надежду.

Илья осторожно отодрал обои, и расковырял штукатурку.
- Твою ж мать, - выдохнул он.

Он отковырял ещё несколько кусков штукатурки. Под слоем штукатурки была пустота, за которой виднелся... сейф. Матовый, серый, с плоской дверцей. Дверца прилегала не плотно – по краям зияли неровные щели. Ручки не было, только старый кодовый замок.

Илья вспомнил, как час назад стучал по стенам. Звук был везде одинаковый, звонкий, ровный - ничего подозрительного. Отец продумал всё до мелочей – никто бы не догадался.

На шаг ближе к разгадке.

От волнения выступил пот на лбу. Теперь нужно открыть сейф. Он расковырял дыру больше. Постучал по металлу костяшками - глухо. Так просто не вскрыть, тем более, прямо в стене. Вытащить хотя бы. Ковырять дальше стену пальцами было бесполезно. Инструмент нужен.

И Илья снова собрался в кладовку – развернулся, споткнулся о лестницу, взмахнул руками, пытаюсь удержать рав-

новесие, и полетел. На полпути к полу успел схватиться за стол. Тот накренился, Илья отпустил его, потому что получить столом по голове – не очень хорошая идея.

Он упал на спину, больно ударившись копчиком. А следом, с диким грохотом, на него посыпалось всё, что стояло на столе - платы, микросхемы, блокноты, бумаги, книги, старая лампа. Всё рухнуло на пол, на него, на гору пыли и штукатурки.

Илья лежал, придавленный грудой хлама, и хлопал глазами. Бумага плавно кружилась в воздухе, оседая на лицо. В ушах звенело. Плечо ныло, копчик горел, голова гудела.

- Мерзкий день, – констатировал Илья, и попытался улечься удобнее.

Какое-то время он просто смотрел в потолок, а потом перевёл взгляд на стену. На плакат.

Демон ухмылялся. Глаза его - красные, горящие, смотрели прямо на него. И в этой ухмылке было что-то насмешливое, почти живое.

- Что? - прошипел Илья. - Смешно тебе?

Демон его проигнорировал, в диалог не вступил.

И тут Илья понял. Не умом - всем телом, каждой клеткой, каждой занозой в копчике.

Он медленно поднялся, стряхнул с плеч бумаги, перешагнул через разбитую плату и подошёл к плакату.

Глава 4. Открытие

Демон смотрел на Илью в упор. Красные глаза горели ровно, без мерцания. Илья замер, не дыша. В голове билась одна мысль - плакат. Он видел его сотни раз в детстве, но никогда не рассматривал так близко. Никогда не трогал.

- А если ты не просто картинка? - прошептал он.

Он протянул руку и провёл пальцами по поверхности. Обычный, гляцевый плакат, чуть холодный за счёт того, что приклеен к пластику. Гладко, никаких швов, никаких стыков.

Демон ухмылялся своей вечной ухмылкой, а его взгляд, казалось, пронизывал насквозь. Как будто демон надменно наблюдал за происходящим, и смеялся над беспомощностью человека.

У Ильи возникло желание проткнуть глаза демону. Чтобы тот больше не смотрел на него. И он с силой ткнул пальцем в левый глаз.

Неожиданно пластик под пальцем прогнулся. А за спиной что-то щёлкнуло.

Илья отдернул руку, как от огня, и медленно обернулся. Противоположная стена - та самая, где зияла дыра с сейфом, дрогнула. Тихо, едва заметно. Посыпалась мелкая крошка.

- Твою ж мать, - выдохнул Илья и прижался спиной к плакату. - Я идиот.

Ещё раз убедился в том, что папа был гением – идеально подобранные обои... Которые, кстати, бабушка тоже не одобряла. Она их считала безвкусицей – какие-то чёрные продольные и поперечные линии. Но радовалась, что поклеена эта безвкусица была только на одной стене. А отцу этого было достаточно. Он идеально замаскировал в этих обоях нишу с сейфом.

Гипсовая панель, в которой была дыра, медленно сдвигалась в сторону. Не наружу, а внутрь, уходя в стену, будто по рельсам. Илья смотрел, открыв рот. Тридцать лет механизм ждал своего часа. И дождался.

Когда панель остановилась, Илья подошёл к нише. Теперь можно было увидеть, что сейф оказался не маленьким. Он начал его внимательно рассматривать. Попытался открыть, ввёл несколько кодов, но ни с одним не угадал.

Он стал вспоминать шпионские фильмы – как герои подбирали коды к сейфам. Сейчас он чувствовал себя одним из таких героев.

Он перебирал в голове даты: день рождения отца, бабушки, свой день рождения, день России, день конституции, даже день, когда отец и мать поженились (не верил, что срабатывает, но вдруг эту дату отец решил скормить Демону). Ничего не подошло.

В фильмах подобные головоломки решались проще. Но, с другой стороны, чем проще, тем легче сломать.

- Дурак, – стукнул себя по лбу Илья. – Отец же не дурак.

Вряд ли бы отец, так постаравшись над тайником, сделал бы такой очевидный код для открытия сейфа.

- Может, не дата? - вслух размышлял Илья. - Может, координаты? Или зашифрованное слово?

В конце концов, он решил, что нужно мыслить масштабно. Как отец. Отец не стал бы использовать примитивный код. Возможно, это что-то, связанное с Демоном Максвелла?

Илья выдохнул, прижимаясь лбом к сейфу.

Полчаса Илья пытался вспомнить какие цифры связаны с Демоном Максвелла, какие слова из 6 букв могли бы быть ключом. Он даже допытывал своего ИИ-помощника, но каждая попытка с треском проваливалась. Может, он ошибся? Может, Демон Максвелла тут ни при чём?

Это просто старая, красивая, безумная идея. Мысленный эксперимент двухвековой давности: воображаемое существо, которое сортирует молекулы на быстрые и медленные, горячие и холодные. Без затрат энергии. Просто так. Нарушая второй закон термодинамики. Создавая порядок из хаоса.

Вечный двигатель. Бесплатная энергия. Мир, где ничего не рассеивается, не теряется, не умирает.

- Нет! - Илья тряхнул головой, отгоняя сомнения.

Не может он ошибиться. Очевидно, отец хотел приручить этого Демона. Он приручал его ночью, когда думал, что сын спит.

Илья помнит, как отец говорил, что если понять принцип,

можно обратить энтропию вспять, вернуть то, что рассыпалось. Тогда он не понимал, о чём речь, это были просто умные слова. Сейчас от воспоминаний по телу шли мурашки. От понимания масштаба!

Илья резко оттолкнулся от сейфа и сделал шаг назад. Потом второй. Ему нужно было увидеть картину целиком - стену, этот сейф, который, возможно, скрывает что-то невероятное.

Он поднял ногу, чтобы сделать ещё один шаг, но наткнулся на стул.

Мир перевернулся. Илья полетел на пол, больно приложившись всё тем же несчастным плечом, а стул с грохотом опрокинулся рядом, задрав ножки кверху.

Несколько секунд Илья просто лежал на боку, глядя на пыль под столом, на скомканные распечатки, на бардак, который он устроил в первый же день возвращения в эту квартиру.

Глаза защипало.

- Демон Максвелла, - прошептал он. - Какой к чёрту демон?

В горле стоял ком. Не от жалости к себе. От безнадёги. Ну кто он такой? Дилетант, который ломает голову над папиным сейфом. А папа... что папа? Папа был блестящим физиком. Но даже блестящие физики не отменяют законы термодинамики. Энтропия всегда растёт. Хаос всегда побеждает. Порядок из ничего не возникает.

Это утопия. Игрушка для гениев с завышенной самооценкой. Отец знал это. Знал, но не мог остановиться. А теперь Илья здесь, на полу, пытается найти то, чего нет.

Сил не было даже на то, чтобы закрыть глаза. Он перевернулся на бок - безразлично, как выброшенная на берег рыба. И замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.